

18+

Лев Аллаций

**Житие
Достоочтимой
рабы Божией
Марии Раджи
с острова Хиос,
из Третьего
ордена Св.
Доминика**

Лев Аллаций

**Житие Досточтимой рабы Божией
Марии Раджи с острова Хиос,
из Третьего ордена Св. Доминика**

«Издательские решения»

Аллаций Л.

Житие Досточтимой рабы Божией Марии Раджи с острова Хиос, из Третьего ордена Св. Доминика / Л. Аллаций — «Издательские решения»,

Житие достопочтенной Марии Раджи (1551–1617) — образец барочной агиографии, описывающий жизнь доминиканской терциарки с острова Хиос, удостоенной стигматов и дара пророчества. Текст содержит подробные рассказы о её мистических видениях, борьбе с демонами, а также о многочисленных чудесах, совершённых ею при жизни и после смерти.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Житие Досточтимой рабы Божией Марии Раджи с острова Хиос, из Третьего ордена Св. Доминика

Лев Аллаций

Переводчик Анастасия Владиславовна Егорова

Корректор Анастасия Владиславовна Егорова

© Лев Аллаций, 2026

© Анастасия Владиславовна Егорова, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-3344-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Житие Досточтимой рабы Божией Марии Раджи
с острова Хиос, из Третьего ордена Св. Доминика*

Рим, типография Маскарди.

1655 г.

С дозволения вышестоящего

Отца магистра генерала ордена проповедников

Джованни Баттиста Мартини.

Нет сомнения, что другие, пожелавшие бы рассказать о жизни досточтимого отца, с великой уверенностью присовокупили бы сюда и отца Леонардо, архиепископа Ланчано, и Винченцо, епископа Альбы, а также её отца Джованни Баттисту, который был пажом принца Карло, первенца Филиппа Второго; и не только их одних, но добавили бы ещё Томазо Марино, герцога Террановы, маркиза Калабрезе, великого магистра, от чьих щедрых щедрот виден в Миласте — гордый дворец Марино, и чья внучка происходила от князя Ашеди из дома Марино, и от Джованни, брата его, — маркиза Кастельнуово-ди-Скривия близ Тортонь; и по материнской линии перечислили бы Джустиниани, Винченцо — прелата великого достоинства при римском дворе, его брата, его дядю Винченцо — генерала ордена, а затем кардинала, и кардинала Бенедетто — двоюродного брата, и Орацио, также кардинала, и прочих сановников, — все они столько же в делах мирских, сколько и в управлениях церковных столь знамениты и почтенны, что им скорее стоит завидовать, нежели подражать им.

И это понятно: ибо подобные достоинства и саны предков — это драгоценные камни и яснейшие светочи в нисхождении к потомкам; оттого восходят они высоко над землей и над человеческой обыденностью, и отнюдь не терпят быть ниже равных себе. Если же столь великая сила несёт с собой добродетель, что, переливаясь через край собственной сферы, распространяется и на славных потомков, и на всех прочих, связанных родством, — то можем ли мы вообразить, что она действует в тех, в кого она не перетекла, как в собственные средоточия, а лишь была введена извне?

По этой причине, досточтимый отец, не слишком заботясь о том, чтобы пересказывать славу предков, я прибегаю под покров Ваших собственных добродетелей, ибо если бы все про-

чие были ничем, то одни лишь эти способны затмить любой, даже самый острый взор и сделать немой всякую человеческую, даже самую красноречивую речь

С детских лет она совлеклась с себя мирских удобств и усад века сего; всецело посвятив себя Богу, после жизни наинепорочнейшей вместе с двумя братьями — Томазо, который в Ордене св. Доминика был генеральным комиссарием, а также визитатором в Германии, Фландрии, Сицилии и Неаполитанском королевстве, где славно отошёл от жизни сей; и Доменико, который, после того как был викарием того же Ордена во времена генерала фра¹ Томазо Турко, был призван на архиепископство в Авиньон, где ныне, пекшись о спасении народов, достохвально подвизается; — и шестью сёстрами: Марией Джачинда, Прачеда, Коломба, Марией Кандида, Марией и Урсулой Марией — приняла религию Доминиканскую, где о всех их явственно запечатлены в душах монашествующих столь знаменательные воспоминания и столькие деяния.

Но об этом, признаюсь, оставляя заботу другим, возвращаюсь к Вашему Высокопреподобию, которое от своего Ордена было призвано к общественным делам Христианской Религии. Свидетельство тому — Священная Конгрегация Индекса, которой на протяжении стольких лет в чести секретаря Вы посвятили свои силы всему, что только можно пожелать для совершенного исполнения подобного дела. Затем, при всеобщем одобрении призванный к Генеральному Магистрату семьи Доминиканской, Вы не оставляете трудов, не пренебрегаете усердием в продвижении служения Католической Религии — ибо это есть единственная и исключительная забота Ваших помыслов.

Но уже медлительность моя навлекает на меня упрёк от Вашей скромности. И подобает повиноваться. Я изложу лишь причины, побуждающие меня издать под покровительством Вашего Высокопреподобия настоящий Труд, в котором, как сумел, я пересказал часть удивительных деяний Досточтимой рабы Божией сестры Марии Раджи.

Что же касается того, что она родилась в месте, откуда видны столь многие и столь многочисленные ветви семьи Вашего Высокопреподобия. Исповедовала Орден, в котором она ныне занимает первую должность. Вскоре прибыв в сам Рим, она была допущена к служению, где на протяжении стольких лет, получив всё необходимое для жизни, имела немалые удобства, чтобы приблизиться к пути совершенства; там она удостоилась Венца и Стигмат Иисуса Христа, где постоянно переносила боли Страстей — неразлучных спутниц ее, пока жила; где своими благими наставлениями и воспитанием породила, как сказано выше, столь многих сыновей и дочерей для Доминиканского Ордена; и где трое других её братьев, умерших по разным случаям, благодаря её молитвам возвратились к жизни. Кто благоразумно рассмотрит эти вещи, тот, конечно, обвинил бы меня в жестокой и явной несправедливости, если бы я, умолчав о должном, присвоил бы себе какой-либо способ изложения.

Посему пусть не будет неблагоприятным этот маленький труд, который, будучи посвящён Вам, и из-за столь многих Ваших забот, которые до сих пор занимают Вас, — когда они дадут Вам время перевести дух, то я смогу посвятить себя тому, чтобы показать Вам то, что Вы в другое время собственными глазами видели.

Да дарует Бог Вашему Высокопреподобию облегчение в том бремени, которое Вы несёте.

Автор заявляет, что то, что он здесь излагает о досточтимой Марии Раджи, будучи основанным на человеческом, а не на божественном авторитете, желает быть покорнейшим последователем папских декретов.

* * *

¹ Фра (итал. fra) — сокращение от frate (брат). Это обращение или титул, который ставится перед именем монаха нищенствующего ордена (доминиканцев, францисканцев, кармелитов, августинцев и др.) Со временем в русском языке закрепилась традиция переводить fra как «отец» (реже «брат»), когда речь идёт о католических монахах. Однако в оригинальных текстах XVII века fra означает именно «брат по ордену», подчёркивая равенство и братство среди монахов.

Хиос, что есть истинный Scio, остров в Архипелаге², по своему положению превосходнейший и плодоноснейший: ибо производит земля его сады и улады, в высшей степени приятные; по природной кротости нравов и приветливости жителей — любезнейший. Родив во многие века мужей, сияющих древностью рода и святостью жизни славнейших, а также и в последующие времена всегда будучи матерью преизобильной, увенчался он славою рождения Слуги Божией Марии Раджи, которую называют также «Марией с Хиоса». Житие досточтимой Марии получает имя только от родины: Мария с Хиоса. Родилась она в столице острова, откуда и получила прозвание, от родителей благородных, богатых и богобоязненных — Лучано Раджи, генуэзца, и Бьянки Раджи Скьяффы — в лето Господне 1551. И как принадлежащая к латинскому обряду, приняла крещение по обычаю той Церкви.

Первое указание на её величие ещё до того, как она родилась, было то, что мать её в субботу перед Вербным воскресеньем, направляясь к церкви отцов-доминиканцев, будучи уже беременной ею на девятом месяце, увидела: с открытого неба сошёл луч и окутал её всю; она, хотя и была испугана этим светом, однако не оставила молитвы, и на следующий день, придя к Причастию на том же месте, случилось с нею то же самое. Возрастая в страхе Божиим и едва начав познавать Бога, она посвятила Богу и служению Его всю себя и волю свою.

Избегая детских игр и разговоров, она часто удалялась в свою комнату, исследуя свои поступки, сожалея там, где ей казалось, что она ошиблась, оплакивая то, что не была так усердна, как должно, каясь и молитвенно утешая себя, стараясь в будущем стать более угодной своему Создателю в делах, вплоть до того, что достигла двенадцати лет своего возраста.

Вот исправленный и полный перевод этого фрагмента с учётом уточнённого текста:

Когда она уже была взрослой, некий знатный генуэзец Джованни Мария Мацца, хорошо проанализировавший качества и добродетели этой девушки, попросил её у родителей в жёны. Те, поскольку предложение им не было неприятно, с помощью просьб и угроз добились того, что девушка, хотя и неохотно, уступила и вступила в брак.

В браке она дала знак своей плодовитости, и так в последующем, умножаясь в потомстве, родила четырёх детей; двое последних — Бернардо и Джованна — прожили недолго; двое первых — Базилио и Никколо — став монахами ордена св. Доминика, с немалой для себя похвалой исполняли различные должности в этом Ордене.

Случилось в то время, когда великий Турок³ под разными предлогами, выказывая гнев против жителей острова, послал военный флот, который, делая вид, что намеревается предпринять другие действия, — тем временем, жители города, по небрежности, без единого пушечного выстрела, без малейшего пролития крови и без

всякого труда высадил свою пехоту и завладел островом. То, что последовало потом, я оставляю для другого случая.

Мария вместе с мужем и сыновьями перебралась в Константинополь и, пользуясь покровительством одного богатого и благочестивого турка — мусульманина, чтобы избавиться от притеснений, беспрепятственно занималась своими благочестивыми упражнениями, посещая церкви, общаясь с другими христианками. Избрав себе духовником доминиканца, отца Доменика, каждое воскресенье, исповедавшись, причащалась и так пребывала в течение двух лет.

Узнав затем, что Великий Турок хочет, чтобы её сыновья стали мусульманами, и получив об этом достоверное известие, — нельзя сказать, как она была потрясена и опечалена. Она плакала, вздыхала, стонала и прибегла к последнему средству — молитве, и не оказалось недостатка в помощи.

² Эгейское море

³ В то время (XVI век) султан Османской империи. Вероятно, речь идёт о взятии Хиоса османами, которое произошло в 1566 году (при Сулеймане Великолепном или сразу после него), хотя остров находился под генуэзским контролем с перерывами.

Осознавая весь ущерб и вред желания Великого Турка, и благодаря послам Франции и Венеции было сделано так, что она получила возможность отправиться из Константинополя. Тогда она села на хорошо оснащенную лодку, направляющуюся на остров Кандия⁴.

В лодку села Мария вместе с мужем, сыновьями и немногими своими пожитками, которые в столь трудное время смогла собрать, оставив остальное на произвол судьбы.

Не успела она оправиться от душевной боли, вызванной отъездом, как тот турок, в доме которого она пребывала, заметив побег, — положившись на свое высокое положение и на милость Великого Господина⁵, — послал строгие приказы городским привратникам, а также вооружённых людей, чтобы те обыскивали всех, дабы воспрепятствовать выходу и запретить внутри всех, кого они не знали. Не меньшим было и усердие, с которым он приказал произвести обыск на кораблях, стоявших в порту, но в особенности на тех, которые были готовы сняться с якоря.

Усерднейшими были те, кто проводил обыск, и ещё более — те, кто знал беглецов в лицо; так что в конце концов после различных поисков они приблизились к тому кораблю, где Мария со своими укрылась в одном месте, и, полная слёз и горечи, с сильнейшими молитвами вверяла Богу своё дело.

Обыскивали разбойники всё, обшарили с тревожным усердием каждую, даже самую малую щель, устремили взоры в каждую дыру, взломали сундуки и иные нужные места, где, как можно было предположить, они могли бы укрыться; и, опасаясь, как бы они не спрятались под какой-нибудь паутиной, не оставили ни единого местечка, которое не перерыли бы.

Увлекаемые порывом, преследователи столкнулись и наткнулись на тех, кого искали, и чуть было не упали, «О, Господь мой, как Ты сохраняешь слуг Твоих!» — но так и не увидели и не узнали их. Так что затем, удостоверившись, что их там нет, они направились к другим кораблям с не меньшей поспешностью. Между тем как они с равным усердием вели тот самый обыск, корабль, на котором была Мария, уже на всех парусах, весьма быстро, направился к острову Кандия.

Затем, перебравшись на другой корабль, который отплывал в Сицилию, — не без некоторого беспокойства от бури и опасности утонуть, от которых благодаря молитвам рабы Божией они были избавлены, — они прибыли в Мессину, и там избрали себе местопребывание.

Немного спустя её муж, отправившись в Неаполь, попал в руки турок, которыми и был уведен в плен. Мария была несказанно опечалена этим событием, но после различных молений и молитв, совершенных ею самой и организованных другими за упокой души мужа, предав свою волю Божественной воле, она решила облечься в одеяние Третьего ордена св. Доминика, к которому с детства была весьма благочестива, и так пребывать в чистоте жизни и воздержании во все остальные дни своей жизни.

Но здесь диавол захотел показать свою силу, воздвигнув против неё различные гонения, дабы отвратить её от намерения; много раз являясь ей в образе безобразнейших животных, которых она, наставляемая Ангелом-хранителем, посредством молитвы и креста заставляла их исчезать.

Вследствие чего демоны, обратившись в ярость и видя, что его ухищрения оказываются тщетными, за три дня до того, как ей предстояло принять облачение, с такой жестокостью бичевали её различными орудиями, что, всего изранив, сделали её неподвижной; и много дней спустя на этом нежном тельце знаки от побоев были видны каждому. И хотя тогда же друзья и родственники настоятельно спрашивали её, по каким причинам она так жестоко изувечена, она, относя все к Небесному Жениху, не захотела тогда открывать этого.

⁴ остров Крит

⁵ Султана Сулеймана Великолепного

И этого демонам показалось мало; они добавили к этому подстрекательства со стороны родственников и домашних, которые говорили, что это не подобает её положению, что ее нежность не терпит такой строгости аскетического подвига.

Что это — явное самоубийство. Бог хочет людей живых, а не мёртвых. Кто дольше живёт, больше служит Богу и больше заслуживает. Лучше не начинать, чем оставить начатое, как в конце концов ей всё равно пришлось бы сделать. Всё то благо, которого можно было ожидать от этого Ордена, она может достичь и в миру, и с большими удобствами. Благоразумие того, кто ведает совестью, часто бывает неблагоразумным. В делах Божиих, как и во всех прочих, необходимы умеренность и осмотрительность. Не всё то, что блесит, есть золото. Пусть подождёт ещё — тогда она яснее узнает волю Божию. Немного значит — месяцем раньше или месяцем позже. И этим она не лишит себя свободы исполнить это в своё удовольствие. Есть много других путей, и гораздо более разумных, чтобы приблизиться к Богу, — и тому подобные другие вещи.

Но раба Божия, несмотря на это, укрепленная в своём намерении, и более стойкая, чем наковальня под ударами молотов, пребывала в своём решении, укрепляясь в нём. И она испытала и познала на опыте немощь человеческой природы и трудности пути Господня.

Однако это не так уж много значит там, где действуют Божественные благодати, которыми Бог никогда не скупится, — Он даёт меру полную и переполненную, облегчая всякую тяжесть, благодаря чему иго Его становится сладким. Нет иной истинной жизни, кроме той, что подчиняется Божественному величию, которое есть правило и мера всего, что человеку надлежит делать по Его благоволению. А чтобы преуспевать в этом усердно, необходимо однажды начать; и чем раньше начинаешь, тем более умножаются успехи и, соответственно, заслуги. Тот, кто замыкается в монастырях и предписывает себе определённое правило жизни, — словно укрепленными стенами преграждает вход противнику. Любовь к Богу и к ближнему не терпит умеренности. Обретает истинную свободу тот, кто, подчиняя свою волю воле Христа, не делает и не пытается сделать ничего иного, кроме того, что предписано Им.

Цепи и узы в подобном служении знаменуют могущество и власть; бедность — есть чистое богатство, ибо нет разницы между ничего не иметь и ничего не желать, — богатство, которое полностью упраздняет самоё себя и всякое иное желание, когда даже странные приключения и богатства, и превратности судьбы обращаются в удовольствия и удовлетворения вопреки нашей воле. Как напротив, кораблик нашей жизни в миру, управляемый душевными волнениями, разбивается о скалы смущением ума и тела, и чрезмерность удобств, угождая нашим слабостям, приводит к тому, что они, не будучи в состоянии соответствовать, поневоле подчиняются и увлекаются к смерти.

О счастливый мир, если бы ты пожелал немного внимать своим истинным благам и полностью обдумал бы крушения человеческих способностей, ты, несомненно, пожалел бы о них, а не стал бы их домогаться, желая их.

И подобно тому как не является искусным и умелым кормчим, ни сильным и могучим военачальником тот, кто плавает по этому морю в тихую погоду и пробует себя на ристалище с противником робким и ничтожным, но тем является, кто во время бури, с обломанными снастями и такелажом, мудро укрывается в безопасной гавани, или кто, сражаясь, побеждает благодаря великой доблести славного и именитого рыцаря, — так и в воинстве нашей жизни награды и венцы даются не иначе как в невзгодах, трудностях и прочих несчастьях; и тот, кто в подобных бедствиях, сходясь на равных с могучим врагом, не гнётся, но, как высший, подчиняет его себе и одолевает

Укрепившись подобными размышлениями и возлагая свои надежды на Бога, в возрасте девятнадцати лет, не без согласия духовника, которому, подчиняя всё, она была подкреплена различными наставлениями, — с величайшим смирением и благоговением приняла из рук приора монастыря св. Доминика облачение и принесла свои обеты.

И вот, когда она достигла своей цели, нельзя сказать, насколько она, с одной стороны, стремилась с помощью смирения, послушания, бедности и доброго примера служить Богу, преуспевать на пути совершенства и благодетельствовать ближнему; насколько же, с другой стороны, демон старался потревожить её в благих намерениях и всячески отвратить её от дел Божиих. То, после долгого истязания самой себя, утомлённая и оставленная, она покоила свои больные кости на какой-нибудь доске, — демон жестоко терзал её; то, когда она уединялась для молитвы и созерцания, он бросал в неё камни необычайной величины, повергая её наземь; то, когда она, стоя на коленях, с сердечной любовью приносила себя в жертву Богу, он бросал её на землю и волочил по ней. Но она, невозмутимая, утешенная и укреплённая помощью Божией, сопротивлялась, нисколько не оставляла молитвы, но с ещё большим мужеством и пылом продолжала свои благочестивые занятия. И потому, получая помощь от Господа и с каждым днём обретая всё большую уверенность, она насмехалась над ним и издевалась, делала все его козни и смятения совершенно тщетными, и, что важнее всего, дерзновенно приказывала ему.

Так она приказала ему, чтобы он перестал искушать того священника, её духовника; и затем, увидев его у угла алтаря, пока тот служил Мессу, а она наблюдала, как демон смущает его своими обычными наваждениями и терзает, — вознегодовав сильно и не тратя слов на подобную тварь, указала на него рукой и пригрозила демону, требуя чтобы он тотчас бежал и чтобы ни тогда, ни когда-либо впредь, ни у алтаря, ни в другом месте, ни ночью не беспокоил его.

Такова была уверенность, которую эта раба Божия своими добродетельными делами стяжала пред Богом. И дабы ещё полнее привлечь её к небесным благам, Он дал ей увидеть посреди церкви св. Доминика древо удивительной красоты, которое превышало крыши церкви необычайной высотой и было отягощено ветвями бесчисленного множества святых, все расположенные в таком порядке, что на одном месте пребывали Девы, на другом — Исповедники, на третьем — Мученики, и так же в остальном, а на вершине его — подобие Пресвятой Троицы, у подножия Которой стояла Преподобная Дева.

Нельзя передать, какое воспламенение в сердце вызвала у неё это видение в любви к Богу; и не было ни одного мгновения, пока она жила, чтобы она не вспоминала его или не представляла его в душе своей.

Немного спустя Он призвал её в более святой Град и к большему совершенству; и вот, по прошествии четырнадцати лет после того, как она приняла облачение в Мессине, она уразумела в молитве, что по тайным судам Божиим надлежит ей оставить тот город, который она почитала как второе отечество, и отправиться в Рим.

Она тотчас повиновалась и взяла с собой Никколо, одного из сыновей, который в тот час находился в Риме; и сев на корабль, они избежали в пути благодаря молитвам опасностей: опасности утонуть из-за бурь и попасть в рабство в руки корсаров. Ибо, настигнутые турецкой галерой, многие из христиан были схвачены.

Мария, прибегнув к обычному средству — к молитве, — сделала так, что схваченные христиане невидимой силой были перенесены на корабль, откуда были похищены. А корсары, более пытались искать их, обратились в бегство. И таким образом, спасшись, они наконец прибыли в Рим, оставив сестру Марию в Мессине, где молва о её величайшей святости, которую все проповедовали, но особенно многие магистры Ордена Св. Доминика, постоянно с нею общавшиеся, а также её духовник в течение восьми лет — Антонио Марцио с Хиоса, который был затем епископом Санторини.

Прибыв в Рим уже поздно, она тотчас же отправилась в Сан-Сабину, и когда ей сказали, что святой Доминик, основатель Ордена, обитал в том монастыре, она тотчас, преисполнившись радости и слёз, поверглась на землю, обняла её, поцеловала и, удостоверившись, что некое место более всего было попираемо стопами того великого святого, не могла оторваться от него.

Наконец, препоручив себя и сыновей Богу, она встала совершенно утешенная и в удовлетворении.

Недолго спустя прибыл другой её сын, фра Базилио, вместе с другими отцами, которые, сопровождая её, привели её в Минерву. После того как там были окончены молитвы, она отправилась отдыхать на ночь в дом синьора Джованни Баттисты Марини и синьоры Теодоры, его жены, — дом, который в делах милосердия никогда ни для кого не был скуп. На рассвете она отправилась в ту же церковь и с избранными молитвами просила Бога, чтобы Он позаботился о её нуждах; и поскольку сыновья её были опечалены тем, что некий человек из Мессины, с помощью которого они надеялись её устроить, подвёл их, она утешила их, сказав, что Бог, всегда имевший о ней попечение, позаботится и теперь о доме для её жительства.

И так, получив отказ от одних и более стеснённая, чем прежде, она представила Богу свои нужды. Затем она снова вернулась в дом синьора Джованни Баттисты. Синьора Теодора, пристально взглянув на неё и усматривая на этом благородном лице неизъяснимую кротость и невыразимое смирение, — благосклонно спросила её, согласна ли она остаться в её доме, ибо она возьмёт её к себе в спутницы на всю оставшуюся жизнь. Мария ответила: «Да исполнится воля Божия». — «Если это угодно Вашей Светлости», — повторила Теодора.

Оставалась же она с того дня до самого конца своей жизни в течение пятнадцати лет в верхней комнате этого дома, обеспеченная всем необходимым. Но здесь открывается передо мной обширнейшее поле добродетелей сестры Марии — поле, на котором я, полагаю, потеряюсь и никогда более не найду пути, чтобы вернуться, ни выйти, ни добраться до конца. И поскольку было бы делом глупым верить, что можно рассказать их все и собрать их все в этом малом очерке жизни, я пойду соберу некоторые из них, — те, которые покажутся мне наиболее примечательными.

И однако страх сжимает мне душу, и смущает меня возвышенность их добродетелей, и не позволяет мне свободного выбора главной, поскольку все они главные и каждая в своём роде превосходнейшая.

И это справедливо, как когда кто-либо находится в месте, где видит кучу и собрание вещей редчайших и прекраснейших, и, желая их похвалить, будучи равно привлечён всеми, теряет порядок, чтобы воздать им должное, и не знает, как отдать предпочтение какой-либо из них, и не может начать свою речь. Итак, поскольку невозможно объять всё, не будет упущена и часть; и часть, подлежащая рассказу, не настолько умалит остальное, чтобы тот, кто рассуждал об этом, не усмотрел отсюда и бессилие моё в их изъяснении, и превосходство их добродетелей над всякой человеческой речью.

Итак, начнём, как можем, а не как хотели бы, с основания всякой добродетели, — разумю смирения, которое, чем более принижает долу, тем более возвышается и самую свою низостью равняется с высочайшими небесами. Это смирение возлюбленная Божия хранила в высочайшей степени, так что, почитая себя среди прочих творений низшей, презреннейшей и отверженнейшей, она горько плакала и непрестанно сокрушалась в себе о том, как могло быть, что, будучи созданием разумным, при столь многих наставлениях духовных отцов и исповедников, примерах добрых христиан, при благодати и помощи Божией, — она столь малодушна, низка и ничтожна, что не преуспевает ни в малейшей части пути Господня и не достигает почти что безопасной пристани, тогда как другие рабы и рабыни Божии, да и многие из мирян, при меньшей помощи, столь хорошо преуспевают.

В столь святой и созерцательной Религии, являющейся зеркалом всяческой благодати, она одна пребывала бы сонной и нерадивой, никогда не пробуждаясь и не познавая своего призвания. И среди этого она дивилась долготерпению Божию, что Он так терпит её и не обращает в ничто, чем она воистину была. И так, умерщвлённая для самой себя, она стыдилась, когда общалась с другими или находилась в общественных местах, занимать первые места или превосходить кого-либо. И потому, как недостойная того света, которым пользуется всякий, редко

поднимала глаза к небу. Она повергалась ниц у ног священников и особ духовных, испрашивая их благословения; и когда они затем выходили из комнаты, она, бросившись на землю, целовала следы их ног и не без великого изумления дивилась, как Бог являет ей такую благодать, что слуги Божии не избегают и не гнушаются её ради её грехов, но приходят даже в её комнату, чтобы навестить её.

В церквах, отделившись от других женщин, она укрывалась в местах самого низкого или весьма малого почтения. Она была столь скупа в слове, что скорее не давала его, нежели давала; а когда и давала, то подавала его с такою сдержанностью, что казалось, скорее принимает его, нежели даёт, объявляя себя невеждой и уступая рассуждение о вере и наставления другим. Это явственно обнаружилось в одном священнике, который спросил её, что ему должно делать, чтобы спастись. Она не захотела тотчас ответить ему, говоря, что более нуждается в подобных вопросах, нежели предписывает их другим. И хотя он много раз настоятельно просил, он никогда не смог добиться от неё этого, пока не приказал ей духовник.

Тот священник долгое время пребывал в состоянии, не исповедуясь и не принося покаяния. Тогда она уступила его желанию — обличила его, призвав осознать свой грех и встать на путь истины и подлинного света спасения.

Не иначе случилось и с одной знатной госпожой, чей проступок был открыт сестре Марии с повелением обличить её. Но Мария, как грешница, попыталась уклониться от этого поручения, однако ей было сказано, что она непременно, безотлагательно должна это сделать. Тогда, чтобы лучше устроить это дело, она посоветовалась с духовником, и тот повелел ей повиноваться. И вот, придя в Минерву, она предстала перед той особой и, отозвав её в сторону, чтобы никто другой не слышал, открыла её прегрешение, ободрила её и от имени Бога приказала исповедаться и принести покаяние.

При этих словах та особа вышла из себя и, исполнившись страха, наклонилась, чтобы поцеловать ей руку; но та отстранилась, сказав, что это неприлично, ибо она гораздо более осквернена грехами, нежели та; и так, бросившись ей в ноги, та поцеловала их.

Подобное случалось не только с этими, но и со многими другими людьми, а в особенности с духовником, которому Мария рассказала всё, что она совершила в своей жизни.

Столь много ценила она то смиренное состояние, в котором застаёт человека Бог и без которого никакое основание добродетели не бывает прочным; и, будучи низвергнута к вещам ничтожнейшим, но вознесённая к высочайшим высотам и прилепившись к вещам сверхъестественным, она поднялась до такого достоинства, что удостоилась видеть тайны и сокровенное других людей, а затем теми людьми с помощью кротких наставлений приводить их на путь спасения.

Не считаю я возможным умолчать о том, что случилось с синьорой Баттиной Джустинианой. Когда я был ещё ребёнком, она была уже очень стара — более девяноста лет от роду, — но сохраняла ясный ум и была весьма бодра. Часто навещая нас, она рассказывала о событиях на родине, и особенно о том, что произошло, когда турки завладели Хиосом, ибо она сама была при этом. Так вот, эта синьора, почтенная из-за своего преклонного возраста и жизни в высочайшей невинности, удивительная по чистоте нравов и вся устремлённая к духовному, была однажды приглашена синьорой Теодорой. Когда уже накрывали на стол и она хотела сесть, она спросила о сестре Марии: где же она? Ей ответили, что та будет есть позже, вместе с другими. «Этого я не допущу», — сказала синьора с особым чувством. «Сестра Мария родилась на Хиосе, от отца и матери благороднейших и богатейших, хотя из-за несчастий, причинённых этому городу неверными, её имя и пришло в упадок.

Однако это не помешало тому, чтобы в Мессине её не окружали величайшим почтением — тем почтением, какого она заслуживала. «Я никогда не допущу, — сказала синьора, — чтобы за одним столом с другими ела та, кого я почитаю наравне с самой собой». Тотчас же по велению господ её пригласили к столу. Она отказалась от этой чести, говоря, что недостойна

трапезы своей госпожи, что для неё слишком великая честь сидеть вместе со слугами, как это было в прежние годы. Но в конце концов ей пришлось повиноваться. И с того дня, с того самого часа, она всегда садилась за стол вместе с синьорой Теодорой — до тех пор, пока, изнурённая недугами и болями, не была вынуждена оставаться одна в своей комнате.

Из этого смирения рождалось слепое послушание высшим начальникам и исповедникам, от советов которых она никогда не отступала, и даже не дерзала или не осмеливалась сделать что-либо, прежде не обсудив того с ними. И это она могла делать со всяким основанием, ибо избрала руководителями своей совести людей не обыкновенных, но как по благочестию, так и по учености весьма выдающихся, которые заслуживают быть допущенными в любое место.

Первым, с самого её прибытия в Рим, был Паоло ди Кастельнуово, который затем стал регентом училища в Перудже; вторым — братом Арканджело Миланезио да Прато, который, позже приняв облачение отшельников-еремитанов, приобрёл имя святого человека; третьим — брат Инноченцио да Соца, бывший тогда магистром новициев, а затем пенитенциарием Санта-Мария-Маджоре и викарием Коллегии отцов-пенитенциариев; четвёртым — брат Тимотео да Бризигелла, магистр и чтец Священной Теологии, который затем стал генеральным викарием и советником эрцгерцога Австрийского; пятым — брат Микеле Лоди, который преподавал теологию в том же Коллегии пенитенциариев; шестым — братом Пьетро Джованни Сарагосский, также магистр Священной Теологии.

Столь великим личностям она так подчинила свою волю, что никогда без предварительного совета с ними или без получения от них должного разрешения не делала ничего; и не предпринимала никакого духовного упражнения без их соизволения, и почитала их повеления и предостережения как слова Божии.

Таким образом, сверх обычных трёх дней, на которые у неё было разрешение, она не подвергала себя бичеванию даже по тайной или явной необходимости, не посоветовавшись прежде.

И если в другие дни недели, помимо предназначенных, она хотела причаститься, она советовалась с духовником. И когда по воле духовника ей иной раз ради большего послушания бывало отказано, она тотчас же прибавляла: «Благословенно да будет святое имя Господне.

Даже те вещи, которые Бог открывал ей, она целиком пересказывала своему духовному отцу и советовалась с ним, испрашивая его мнения, дабы не впасть в обман. Добавляя при этом, что рассказывает это, чтобы уразуметь истину и быть направляемой, как невежда, в том, что надлежит ей делать, дабы устроить это во спасение души, и чтобы враг-обольститель не мог насмехаться над её поступками. А когда кто-либо сообщал ей нечто, что причиняло ей досаду или смятение ума, то, поделившись с духовником, она успокаивалась. Подобным же образом она ничего не предпринимала в отношении постов, иных действий и благочестивых упражнений без совета с ним. А когда случилось так, что один клирик захотел изгнать из неё беса, как из одержимой, она, нисколько не изменившись в своём намерении, прибегла к своему духовнику, который утешил её и сделал так, что тот клирик более никогда не осмелился говорить с ней.

Так, когда один монах предложил ей маленькое изображение святой Екатерины Сиенской, чтобы она поместила его на свой алтарь, она, не посоветовавшись прежде с духовником и не испросив дозволения, ничего не захотела делать, хотя её очень о том просили. Таким же образом она вела себя и в постах, которые, хотя и были суровейшими и достаточными, чтобы измощать и повергнуть на землю почти любое тело, даже крепкое, не то что её, весьма слабое и немощнейшее, — тем не менее она не осмеливалась предпринимать что-либо, даже самое малое, без согласия духовника.

Прежде чем принять какую-либо пищу, она обыкновенно целый час проводила в молитве и читала заупокойную службу. Лишь после этого она вкушала то, что подавали ей слуги — и это действительно можно назвать лишь «вкушением», ибо ела она крайне скудно. Синьор

Джованни Баттиста Марини постоянно, с изумлением, говорил и духовнику, и другим: «Не могу постичь, как можно жить, не давая телу необходимого пропитания. А та малость, которую она принимает, — одни травы да бобовые, да и те сырые и сухие, вовсе лишённые питательности». Так жалко поддерживала она свою жизнь. Мяса же или яиц она никогда не желала и знать, если только тому не было крайней необходимости, или опасной болезни, или если это не предписывалось ей под обетом послушания. Напротив, она тем охотнее принимала ту пищу, которая по небрежности слуг бывала плохо сварена, ещё хуже приготовлена, а часто и просто протухла. Ибо тогда она радовалась: то, что могло бы усладить тело или доставить ему облегчение, вызывало в ней лишь отвращение, и в этом она находила своё удовольствие.

Когда её мучила жажда, она наполняла водой стеклянный сосуд, ставила его перед собой и говорила: «Надобно, о Мария, сколь дорога тебе любовь Божия, чтобы ты три часа воздерживалась от питья». И когда эти часы проходили, она назначала себе новый срок — ещё три часа, и таким образом обманывала себя и проводила весь тот день без воды. Наконец, ничуть не увлажнив горла, она убирала сосуд, говоря себе, что однажды надлежит потерпеть ту жажду, которую терпел её Жених на Кресте. И не было опасности ни из-за какого, сколь бы великим ни был, строгости возникающей от Церкви и от частных лиц Ордена.

По пятницам Великого поста она питалась лишь хлебом и водой. Два или три дня в неделю она омывала и отирала священные сосуды, соприкасаясь с самим Пресвятым Таинством Евхаристии. Во время своей последней болезни она часто сетовала и жаловалась, что вынуждена питаться мясом; но, поскольку Господу было угодно продлить её дни, она дала обет впредь не вкушать ничего, кроме бобовых и трав, и то в самом малом количестве.

Пусть же никто не удивляется тому, что за этой скудной трапезой часто присутствовали два святых из Ордена и являлись во главе стола, — их она видела и созерцала собственными глазами, воочию, к великому своему смирению.

Одним из тех обстоятельств, которые более всего огорчали её и заставляли нередко разражаться горькими слезами, было то, что она была принуждена сочетаться браком, лишившись девства, которое она решила сохранить для Бога. Но она восполнила это своим долгим целомудрием и воздержанием; и не меньшее значение имело то, что она сохранилась непорочной и неосквернённой до самого того времени, когда она жила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.